

Кубанский писатель

Писатели не могут ни на минуту сдать перед невзгодами и отступить перед преградами. Что бы ни случилось, они должны непрерывно делать свое дело, завещанное им предшественниками и доверенное современниками.

К. Г. Паустовский

№ 7 (1233)

ИЮЛЬ
2018 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

Юные анапчане познакомились с автором книги о дельфинёнке Антохе

В четвёртой школе города-курорта Анапа состоялась творческая встреча с писателем Сергеем Лёвиным, который представил учащимся начальных классов, посещающим летнюю досуговую площадку, свою новую повесть-сказку «Приключения черноморского дельфинёнка».

Около 200 мальчишек и девчонок с удовольствием слушали весёлые истории о дельфинёнке Антохе, который живёт в Чёрном море рядом с Анапой, о его друзьях, первой встрече с людьми и уроках в подводной школе. С особым интересом они смотрели великолепные иллюстрации, которые подготовил для книги, увидевшей

свет в краснодарском издательстве «Традиция», член Союза художников Кубани Илья Копанев.

После авторского чтения последовал целый шквал вопросов. Дети любопытствовали, во сколько лет писатель начал сочинять истории, как ему в голову пришла идея этой повести, сколько времени пишутся книги и даже как дельфины спят и сколько у них зубов!

В финале встречи школьники сделали Сергею Лёвину неожиданный подарок: красочные рисунки дельфинов и других морских обитателей, на которые их вдохновила эта добрая жизнеутверждающая книга.

● Встречи писателя Василия Дворцова с молодежью Кубани состоялись 14 июня в Краснодарском университете МВД и 15 июня в молодежном лагере «Дубрава» (Северский район). Подготовила и провела духовно-патриотические мероприятия Краснодарская краевая юношеская библиотека имени И.Ф. Вараввы, воплощающая в жизнь краевой проект «Это едино и свято: Родина, память, язык». Библиотечный проект, ориентированный на воспитание души и сердца юных поколений, осуществляется при поддержке министерства культуры края и международного конкурса «Православная инициатива 2017-2018». Молодежь с неподдельным интересом внимала слову писателя. Тем более, что Василий Владимирович говорил о судьбе своего деда – кубанского казака из станицы Крыловской,

отца пятерых детей, ветерана Великой Отечественной войны Ильи Васильевича Дворцова; о связи поколений, о единстве любви к человеку в православии и русской литературе, о взаимопроникновении ценностных составов веры и творчества.

В притихшем зале университета и замершей во внимании к поэтическому слову «зеленой аудитории» «Дубравы» (встреча проходила на открытом воздухе) звучали строки поэмы «Правый мир». Высокие примеры мужества, трагические подробности боевых действий, и, конечно, рассказ о первой любви не оставили равнодушными сердца молодых слушателей, не случайно поэма В.В. Дворцова «Правый мир» рекомендована министерством образования, науки и молодежной политики Краснодарского края к ознакомлению на школьных «Уроках мужества».

По итогам встречи ее юные участники приступают к написанию эссе, и одновременно на писателя «посыпался град» вопросов. На какие-то из них писатель отвечал, а ответы к некоторым предложил поискать в самой жизни, держась надёжных ориентиров православия и русской литературы.

● В первых числах июля в Литературном Музее Кубани прошёл краевой семинар для молодых литераторов. Участники встречи познакомились с новой музейной экспозицией, посвящённой 75-летию с момента освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков. На встрече были подведены итоги межрегионального литературно-поэтического конкурса среди молодежи, в котором приняли участие поэты и прозаики из одиннадцати районов Кубани, Липецка и Ростовской области. Самым молодым автором, представившим свои работы на рассмотрение, исполнилось

14 лет! Конкурсанты были награждены дипломами I-III степеней и сувенирами.

К сожалению не все из двадцати семи авторов, подававших заявки, смогли присутствовать на встрече, но и на этот раз среди собравшихся оказались перспективные ребята, имеющие большое желание работать со словом, повышать свою творческую планку. Очень важным является то, что они хорошо осознают идею своих произведений и знают, что хотят сказать читателю.

Ведущие семинара: Сенин А., Васин Ю., Немкина О., Касьянова С. и Савченко Э. говорили с каждым из ребят отдельно, объективно оценивали творчество начинающих дарований, говорили о современной литературе и её предназначении в обществе.

По сравнению с предыдущим семинаром, который проходил в марте 2018 года, заметно выросло мастерство молодых авторов, как в технике, так и во внутреннем смысле содержания их произведений.

Прошедшая в тёплой обстановке встреча открыла новые имена среди её участников: Илья Пашков, Алина Апандиева, Анна Терентьева, Виктория Ляуман, Елена Смирнова, Татьяна Выонг, Влад Вирбицких.

Лучшие авторы будут рекомендованы к участию в краевом семинаре, который пройдёт в ноябре 2018 года под началом регионального отделения Союза писателей России по Краснодарскому краю. Также у ребят появится возможность публикации своих стихов в большом поэтическом сборнике.

Ответственный секретарь ЛТО «ЦЕНТР»,
член Международного Союза писателей
и мастеров искусств Савченко Э.С.

Праздник поэзии и живописи

Невозможно не отметить такое событие в культурной жизни Краснодара, как состоявшееся 3-го июля в краснодарской художественной галерее «Сантал» торжественное мероприятие, ставшее поистине подарком городу, посвященное творчеству известной кубанской поэтессы Нелли Тимофеевны Василининой и художницы Людмилы Ивановны Бальцер, устроившей в этой обители муз свой первый персональный вернисаж после возвращения на Родину.

На торжестве собрались люди, чьи имена известны ценителям культуры, литературы: члены Союза писателей России – поэтесса Л. К. Мирошникова и прозаики Л. Д. Бирюк, Г. Г. Пошагаев, Т. П. Немчинова; художники – заслуженный художник России И. А. Седова, заслуженные деятели искусств Кубани Н. Т. Турков и О. А. Салькова; директор Краснодарского представительства Общероссийской общественно-государственной организации «Российский Фонд

Культуры» – Т. И. Кралева и многие другие деятели искусств.

В пространстве экспозиции многочисленных, разнообразных по сюжетам живописных полотен, отображающих вечные темы бытия – природу, женщину, цветы, в символических образах которых прочитывается главная идея мастера живописи – ЛЮБОВЬ – директор галереи «Сантал» Нина Антоновна Стрижова интересно рассказала гостям салона о духовно-созидательном направлении творчества представленных выдающихся авторов – центральных персоналиях праздника.

Лауреат муниципальной литературной премии им. А. Д. Знаменского, Почетный член правления регионального отделения Союза писателей России Н. Т. Василинина, накануне отметившая свой день рождения, и уместно, в этой связи, продолжая принимать поздравления от коллег-писателей, под рукоплескания аудитории читала свои новые и написанные

несколько ранее стихотворения.

Одаренная талантом живописца, Л. И. Бальцер исповедально поведала собравшимся о сокровенном: о семье, о своей жизни в Германии, длившейся более 20 лет, и о том, как и под каким влиянием в ее сознании формировался и зрел из двух национальных культур – русской и немецкой – собственный философский взгляд, её индивидуальный почерк и стиль живописного письма, характеризующий ее мастерскую особенность: предельно искренний язык художественного повествования.

Неотъемлемой частью программы творческого вечера был и концерт: заслуженный артист России Сергей Владимирович Маросанов под собственный виртуозный аккомпанемент на баяне исполнил русские народные, популярные советские и современные песни-шлягеры на русском и иностранных языках.

В заключительной части содержательной

культурно-просветительской программы было выполнено общее фото на память.

Т. П. Немчинова,
писатель.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА ГАНИЧЕВА

НАШ КАПИТАН СОШЕЛ НА БЕРЕГ

В Москве простились с Валерием Николаевичем Ганичевым. Похороны прошли 10 июля в Переделкине.

И все вдруг поразились: как он мог в течение долгих-долгих лет быть порой един во многих лицах на фрегате «Союз писателей России».

Словно боцман, он добывал провиант для команды. Штурманом прокладывал на каждодневно меняющихся, тасующихся политическими шулерами картах маршрут движения. Метеорологом предсказывал погоду, меняющуюся по воле политиков по сто раз на день. Лоцманом вел корабль среди рифов, айсбергов и скал. Старпомом

выбирал бухты, в которых укрывал от разрушительных для судна и губительных для экипажа бурь. Шкипером наполнял ветром паруса, и никто никогда не сможет упрекнуть команду «Союз писателей России» в том, что они висели на мачтах просто лоскутным материалом. Он не выпускал из своих рук штурвал, и он же где по громкой связи, где от человека к человеку передавал необходимые для жизнедеятельности и устойчивости корабля команды.

Наш капитан при этом был и духовником своей многочисленной, достаточно разнообразной и самолюбивой команды, дав ей высоты общения с патриархами Алексием II и Кириллом. Он творил молитву адмиралу Федору Ушакову, и во многом благодаря его стараниям великий флотоводец был причислен к лику святых. Дипломатом вел переговоры в чужих палестинах и родных землях. В своих порой даже труднее. И непрерывно заполнял и заполнял судовой журнал, фиксируя время, прозорливостью и мудростью спасая команду от многих возможных бед.

Это оттачивало его лик, но истончало здоровье.

Соединяя в себе многие ипостаси, он тем не менее работал только в команде.

А еще любил юных гренадеров и ушаковцев, движение которых создавалось и ширилось под его дланью. И ребята пошли в жизнь по пути, выверенному его сединами и его сердцем...

О сходе капитана на берег я узнал у Полярного круга, в селе Ижма. Оно стало своеобразным символом России в сентябре 2010 года, когда потерявший управление Ту-154 с пассажирами на борту должен был, обязан был рухнуть в безбрежной тайге.

Но жил на земле командир вертолетной площадки Сергей Сотников, который 12 лет по собственной инициативе расчищал снег, вырывал бурьян и кустарник, держал без приказов и зарплат в надлежном состоянии местный заброшенный аэродром. За неделю до аварийной посадки заставил местного бизнесмена убрать с аэродрома сваленные на бетонку бревна.

И экипаж воспользовался этой микроскопической долей спасения машины и людей, посадив гибнущую «Тушку» на крохотный пятачок, отвоєванный у тайги и продажного времени русским мужиком, просто имевшим совесть.

Союз писателей России под руководством своего капитана тоже стал для России своеобразным аэродромом, когда

оголтелые либералы, русофобы всех мастей, дорвавшиеся до власти, презирающие Россию западники свалили наше Отечество в штопор. И для нее так же, как у падавшего Ту-154 под Ижмой, оказался вдруг готовый для аварийной посадки духовный аэродром, который в такие же беспросветные годы, без приказов и зарплат, но очищали от скверны русские писатели. И как в Ижме смог вновь взлететь исправленный умельцами самолет, так и Россия, передохнув у живительного костра своих истинных патриотов, начала новый набор высоты. И всего лишь благодаря самоотверженности тех, кто не предал страну, не засомневался в ней, не опустил руки от бессилия в защите традиционных нравственных ценностей, русского литературного слова, духовного здоровья нации.

И в утренний воскресный час 8 июля на краю ижимского аэродрома, где в это время даже ночью не заходит за горизонт солнце, я, как все писатели России, тихо попрощался с сошедшим на берег капитаном. Нам плыть в безбрежном житейском океане дальше, но утешает одно: на берегу, на котором остался наш капитан, в это время нет ночи, а значит, у него всегда будет светло.

Прощайте, капитан!

Николай ИВАНОВ

РОСС НЕПОБЕДИМЫЙ

На 85-м году жизни 8 июля, на праздник святых покровителей брака святых Петра и Февронии, ушел из жизни Валерий Николаевич Ганичев, который по словам близких, с утра был в церкви, исповедался, причастился и, вернувшись домой, отошел в мир иной, на вечное свидание со своей любимой женой Светланой Федоровной.

«Росс непобедимый» — так называлось историческое повествование Валерия Ганичева, который запечатлел были и легенды о южном окне России на моря, о создании Черноморского флота, о городах и селах, воздвигнутых трудом и разумом русских людей в Причерноморье в XVIII-м веке, на землях, почему-то оказавшихся «украинскими». Валерий Николаевич и сам был из породы таких непобедимых людей — деятельных, негибких, исповедовавших веру в высокую предназначение русского человека. Он родился 3 августа 1933 года в райцентре Пестово (ныне Новгородская область). До Великой Отечественной войны жил в Омской области. Окончил среднюю школу в Полтавской области, свободно говорил по-украински, знал душу и песни Украины лучше всяких «свидомых». Он окончил Киевский Государственный Университет по специальности историк (1956 г.). Работал преподавателем истории средней школы (1956 г., г. Николаев). С 1956 — 1967 гг. — был на комсомольской работе на Украине и в Москве; занимал должность заместителя главного редактора журнала «Молодая Гвардия» (1964 — 1965 гг.) в период его расцвета и борьбы с либеральными литературными кругами, потом — должность директора издательства «Молодая Гвардия» (1968 — 1978 гг.) в лучшие годы работы издательства и собиранья ведущих литературных сил России, наконец, пост главного редактора газеты «Комсомольская

Правда» (1978 — 1980 гг.), когда «Комсомолка» была и впрямь молодежной газетой и выполняла высокую миссию воспитания, а не развлеченная подрастающего поколения.

С 1994 года — он председатель Союза писателей России, сменил на посту фронтовика Юрия Бондарева после страшных событий осени 93-го года. Здание Союза писатели на Комсомольском мы отстаивали физически от разнузданных молодчиков-«демократов», явившись с бумагой за подписью Евг. Евтушенко, а потом под водительством Ганичева отстаивали крепость русского духа в года гонений, кризисов, «суверенной демократии» и построения вертикали власти. Почти

Николаевич Ганичев возглавлял Союз писателей России в те года, когда правящая партия, как бы она ни называлась, пыталась отобрать у писателей всё — от гонимых и телеэфира до печатных изданий и здания на Комсомольском проспекте, 13. В этих условиях Ганичев не только сохранил главную творческую организацию, но и придал её работе новый импульс. Например, совместно с главами многих регионов были учреждены литературные премии, проводились грандиозные выездные секретариаты от Якутии до воюющей тогда Чечни. В этом кипении литературной жизни и борьбы порой и забывалось, что сам Ганичев — крупная творческая личность, автор многих книг, мыс-

Одно это сухое перечисление говорит о том, какими духовными и национальными интересами жил Валерий Ганичев. Особая эпопея — его прославление русского флотовождя Федора Ушакова, проведение Ушаковских сборов для молодых, встреч и установка памятников в России и в тех местах, где побеждал Ушаков — от нынешней Украины до Греции. Наконец, причисление старца Федора из Санаксарской обители к лику святых...

Старый комсомольский работник, он в годы перестройки понял, что разрушаемое Отечество, Русский мир может скрепить вера православная, святоотечественные заветы. Оптина пустынь, центр духовной жизни России, одной из первых была возвращена Церкви при активном участии В. Н. Ганичева. Его подпись стоит среди шести других под письмом в ЦК партии (1987) о необходимости восстановления обители. Практически все труды писателя и ученого направлены на национальное возрождение единой России, исповедующей традиционную христианскую религию и устремленной к высшим достижениям мировой цивилизации и культуры. Он горячо выступал за воссоединение 25 миллионов соотечественников, оказавшихся за пределами страны после распада СССР, за единение братских славянских народов. Особая его боль — почти родная Украина, где мы не раз бывали вместе, проводили торжества в честь «Слова о полку Игореве» в Новгороде-Северском, пели песни с незабвенным Борисом Олейником, говорили о величии русской победы на Полтавском поле. В своем трехтомнике, в книге «У писателей России», Ганичев исследовал сложные духовные процессы и болезненное социальное состояние российского общества последних лет, прихотливое и затрудненное официальной политикой развитие литературного про-

четверть века борьбы и сохранения традиций!

Основатель Союза писателей России Леонид Соболев ещё в 1934 году выступал на I Всесоюзном съезде советских писателей и произнёс знаменитую фразу: «Партия и правительство дали советскому писателю решительно всё. Они отняли у него только одно — право плохо писать». Вале-

лителю, доктор исторических наук, профессор Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова (с 1978 г.), академик Академии Творчества, Академик и Вице-президент Международной славянской Академии, заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора, заместитель Председателя Всероссийского общества охраны памятников.

цесса. Очень интересны его эссе «Русские ценности», «Русский смех», «Русская кухня». Сегодня сами такие названия почему-то вызывают яростное неприятие.

Интернет полнится соболезнованиями и откликами на кончину Валерия Ганичева. Вот пишет по горячим и горючим следам учитель и писатель из Борисоглебского района Ярославщины Владимир Мартышин: «Не стало Валерия Николаевича Ганичева. Упокой, Господи, душу новопреставленного раба Божия Валерия и сотвори ему Вечную память... Утрата для Отечества значительная и чувствительная. С ним связана целая эпоха литературной, общественной, патриотической деятельности. Больше тридцати лет и моя судьба связана с этим добрым, высокой культуры, образованным русским человеком. Мы познакомились с ним еще в середине-конце 80-х у него дома. Зашли к Ганичевым в Безбожный переулочек на чай с Сережей Алексеевым, Юрой Сергеевым, Аркадием Лисенковым, Таней Синицыной, Леной Краснопецевой... И целый вечер допоздна провели у них. После этого было много встреч, совместной работы и после того как я покинул Москву. Три или четыре раза с ним сопредседательствовали на Иринарховских чтениях, три года назад он вручал мне литературную премию «Империальная культура». Пять лет назад на одном из симпозиумов он в докладе рассказывал о нашей школе. В прошлом году написал предисловие к моей книге. Последняя встреча на 15 съезде писателей в феврале...». Да, на съезде он с коляски произнёс тихое, но веское напутственное слово. Надо сохранить всё доброе, что было сделано и завещано им — с его мудростью, чуткостью и авторитетом.

Одна из книг эссе Валерия Николаевича о путях и перепутьях истории, движения отечественной литературы называлась «Русские версты». Земные версты писателя завершили, но остались небесные, духовные пути и вехи.

Александр БОБРОВ

Сергей Тимшин

КРЫМСКИЙ МОСТ и «БОСПОРСКИЕ АГОНЫ» (Послепутевые заметки)

В Крым в этот летний сезон я собирался с особым нетерпением в предвкушении встречи со знаменитым Крымским мостом, только-только открытым своей автодорожной частью. А отправился я в Керчь – на 20 Международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны», приглашённый как лауреат его литературного конкурса «На крыльях грифона». Награждение победителей-литераторов в рамках пятидневной программы фестиваля проводилось 12 июня, в День России.

Поездки в Крым – на мою малую родину – с 2011 года стали для меня ежегодными. Выезжаю, в основном, на литературные мероприятия, которыми буквально бурлит полуостров, ведь на Тавриде, славной громкими именами русских и советских писателей, в новое время проводится более 40 (!) литературных фестивалей, и многие из них имеют международный статус.

Транспортная схема для меня, проживающего рядом с Таманским полуостровом Кубани, граничащим с Керченским полуостровом Крыма, проста и коротка. До Крымской весны 2014-го, как и 40 лет назад в юности, я переправлялся в Таврику через Керченский пролив на пароме и катаках. Правда, 40 лет назад, по проливу не проходила межгосударственная граница России и Украины, и действовала общесоюзная железная дорога, по которой также доводилось курсировать мне в пассажирском вагоне на железнодорожном пароме. Старые добрые времена СССР! В них всё было проще и добросердечней. И на границах республик не было таможенного контроля с досмотром вещей и грузов с удлинением томительного ожидания паромных погрузок и выгрузок, как на Керченской переправе после 1991 года...

И вот Крымский мост 2018 года – грандиозное сооружение на планете 21 века. О таком, может быть, мечтали ещё древнегреческие правители и всё народонаселение на берегах Понта Евксинского (Чёрного моря) и Меотийского озера (Азовского моря) по обеим сторонам Боспора Киммерийского (Керченского пролива).

Итак, из дома на мероприятие я выехал рейсовым автобусом с пересадкой в Славянске-на-Кубани утром 12 числа.

В Темрюке, ближе к полудню, меня встретил старинный друг Пётр Туманцев на своём автомобиле, и мы направились в его посёлок «Волну», что находится близ Лермонтовкой Тамани, чтобы оттуда, пообедав, продолжить путь – уже по прямой до моста и по нему! – в Керчь.

Солнечно-голубые и желто-зелёные холмы Таманских земель с бахчевыми и виноградными нивами, знакомые с далёкой юности (доводилось мне работать на баштанах и виноградниках), приводили в ностальгическое состояние. Синие лиманы с белой дымкой над ними, пьянили взоры, и новая чёрная асфальтовая дорога с ослепительно белой свежей разметкой ровно покачивала летящий по ней автомобиль.

Строительство Крымского моста самым существенным образом повлияло на улучшение и умножение дорог Тмутараканского края, равно как и на морские берега Таманского полуострова, где теперь возводятся новые причалы и порты.

Посёлок «Волна», кстати, при статусе сельского поселения является ещё и посёлком строителей-вахтовиков, проживающих в производственных вагончиках-бытовках, или в частных гостиницах, снимаемых строительными организациями. В посёлке есть многоквартирные дома и частый сектор с огородами и садами, а на высоких обрывистых берегах, под которыми далеко внизу светится лазурью и прибрежной мутно-песчаной желтизной Чёрноморье, действуют и строятся роскошные здания курортных комфортабельных отелей.

И вот – Крымский мост! Он плавно, даже незаметно для пассажира, переходит с материка в надводное полотно магистрали, протянутой над проливом. Конечно, есть

контроль на въезде: выборочно досматриваются легковые машины. Есть и отдельная огороженная площадка для автобусного транспорта – его проверяют весь без исключения. А для грузовых машин и «большегрузов» въезда на мост пока нет. Зато вопреки многим преждевременным слухам, проезд по мосту – бесплатный!

Жадно кручу головой, щёлкаю фотоаппаратом, снимая сквозь ветровые стёкла четырёхполосную магистраль: две полосы на нашей части дороги, и две – за разделительным ограждением – на встречной. Серо-серебристые леера ограждений высоко стоят и по бокам моста, распоровшего синь моря и синь неба.

Впрочем, синь моря под мостом вдруг сменяется светло-песчаной сушей – прямо посреди пролива! Это мы проезжаем земли косы Тузлы и одноимённого острова, которые тоже соединил рукотворный мост. Мне их не рассмотреть из низкорослой легковушки во всей полноте, лишь в проёмы ограждений частично вижу пронсящие пейзажи с характерным кустарником и южными деревьями с терпкими ягодами, которые мы в детстве называли маслинами.

То ли дело высокие автобусы – там обзор, что с Эйфелевой башни! Но, признаться, хватает глаз и этих видов, и синь воды, снова появившаяся под мостом, кажется совсем близкой.

Гладь асфальтовая под колёсами штильная, лишь белые полосы тепловых швов слегка потряхивают транспорт. Назначение этих температурных швов, делающих пролёты моста неуязвимыми при сезонных нагревах и охлаждениях, мне объяснил Пётр, который уже повадился прокатываться по мосту на просмотр фильмов в керченских кинотеатрах. Красиво жить не запретишь!

Как неспециалисту, у меня нет знаний и задачи технически описывать Крымский мост, но передать свои пассажирские ощущения имею полное право.

Ещё задолго до подъезда к мосту с кубанской стороны я видел две его серебристые арки для прохода кораблей. Точно два лебедя на лимане светились они меж двух морей. И вот эти дивные арки уже стремительно растут, приближаясь навстречу нам на начавшемся дорожном взгорье. И вот уже над моей головой их узорная металлическая вязь. И обзор обоих берегов отсюда – как с высоты птичьего полёта! Ведь высота арок над водой – 35 метров!

После проезда по нашей арке – вторая, железнодорожная, ещё достраивается – катимся с горочки вниз, где вскоре наш 19-киллометровый пробег по мосту заканчивается. Через десяток минут мы уже в черте города.

...Вначале 80-х я непродолжительно учился и работал в Керчи. Помню первую

встречу мою с городом в 2011 году. Тогда, через 30 лет разлуки с Крымом, я ступил в Керчь, ещё в украинскую, и при виде разбитых дорог в городе, построенных ещё при социализме, у меня наворачивались слёзы на глаза... Теперь в Керчи российской – и следа не осталось от прежних дорожных изъянов: всё залатано, обновлено или заново отстроено.

Наше мероприятие – подведение итогов литературного конкурса «На крыльях грифона» и презентация буклета «20 мгновений античности» в рамках программных дней фестиваля проходит в Картинной галерее на улице Театральной. Здесь рядом, на площади Ленина, фотографируюсь у стелы с золотым грифоном, где написано: **«КЪРЧЕВЪ – КЕРЧЬ – ПАНТИКАПАИОН. За выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость в годы Великой Отечественной Войны. Городу Керчи 14 сентября 1973 года присвоено почетное звание «Город-герой».**

Нужно сказать и о самом пятидневном фестивале, который, проводится с 1999 года в Керчи. С 2007 фестиваль проходил в разных городах Крыма, а в 2012 снова

фестиваля...»

Позволить себе присутствовать на всех днях фестиваля я не мог по причине болезни старенькой мамы, но на день проведения литературной странички фестиваля всё же вырвался.

В просторном зале музея программу открыла Татьяна Викторовна Умрихина – генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», поприветствовав гостей и участников, и передала слово Михаилу Михайловичу Голубеву, поэту, публицисту, главному редактору альманаха «Манускрипт», редактору газеты «Литературный Крым», заслуженному деятелю искусств республики Крым. От имени жюри он рассказал о нынешнем составе участников литературного конкурса в количестве 58 человек, о рассмотрении их творческих работ, поступивших из России, Белоруссии, Израиля и ДНР. Работы рассматривались безымянными, под номерами, и голосование членами жюри проводилось тайно.

Команду жюри представили известные в Крыму и России литераторы и издатели: Басыров В.М. (Симферополь), Голубева О.В. (Симферополь), Овчаренко С. Г. (Евпатория), Прилуцкая О. В. (Ростов на Дону), Рябчиков Л. А. (Симферополь), Сычёва Л. А. (Москва), Чепурин В.В. (Симферополь).

В результате были определены 13 финалистов-лауреатов в двух возрастных категориях (от 14 до 17 лет включительно и от 18 и старше). Их работы, а также произведения членов жюри – в качестве мастер-класса – вошли в изданный сборник конкурса «На крыльях грифона». Сборник этот вместе с дипломами и сувенирами от музея был вручён победителям конкурса.

Во второй части мероприятия прошло представление красочного юбилейного буклета «20 мгновений античности», созданного Галиной Станиславовной Михайленко, заслуженным журналистом Украины, редактором журнала «Лица Крыма». Она рассказала о составлении буклета, о его героях и авторах, некоторым из которых, присутствующим в зале, были вручены подарочные экземпляры.

...Праздничная Керчь полыхала солнцем и ясным небом, государственными флагами Крыма и России. На городской набережной прогуливались жители и гости города, звучала музыка. А вечером на площади Ленина началась концертная программа «День России» с участием группы актёров театра и кино во главе с Василием Лановым. Завершилась она зрелищным фейерверком, который можно было видеть по ту и эту сторону Керченского пролива – даже из нашего таманского посёлка «Волна», куда возвратились мы по благословенному Крымскому мосту, и где я, как в славные советские времена, снова не ощущал никаких границ между Крымом и Россией. Всё вернулось на круги своя.

КРЫМСКИЙ МОСТ

Не зря я спешил к рукотворному диву
И вёрсты под строфы верстал:
Два лебедя белых плывут по проливу –
Две чудные арки моста.

Ещё с берегов виноградной Тамани
Сияньем живой белизны
В морском и небесном лазурном тумане
Их гордые шеи видны.

Теперь к серенадам июньского Крыма
В родимые сердцу места
Несут и меня лебединые крылья
Величественного моста!

ПАНОРАМА

«Он песней,
он легендой стал...»

В Литературном музее Кубани проведены мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения поэта Павла Давидовича Когана (4.07.1918 – 23.09.1942). Научные сотрудники музея познакомили студентов филологического факультета и факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ с экспозицией музея, посвященной писателям-фронтовикам и военным журналистам – Константину Симонову, Павлу Апрышкову, Аркадию Первенцеву, Владимиру Соколову и др. В витринах музея представлены книги, письма писателей, их личные вещи. Есть и уникальные экспонаты. Так, например, здесь находится небольшая библиотечка краснофлотца, пролежавшая под водой почти 70 лет. Она была обнаружена в 2012 году во время подводной экспедиции КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына. Книжки находились на торпедном катере Черноморского флота, затонувшего в 1943 году в ходе Керченской-Эльтигенской десантной операции. Среди них – маленькая брошюра «Баллады, плакаты и песни» 1942 года Ильи Сельвинского, слушателем семинара которого был Павел Коган, студент ИФЛИ. Комплекс, посвященный поэту и защитнику Новороссийска Павлу Когану, очень скромный: фотография довоенных лет, на которой изображен красивый юноша с грустными глазами, а рядом – текст песни «Бригантина», написанной еще в 1937 году, популярной среди советской молодежи.

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина подымает паруса...

В музейных уроках поэзии и мужества приняли активное участие студенты, их сообщения были посвящены жизни и творчеству поэта, героически погибшего при защите Новороссийска.

Павел Давидович Коган родился 4 июля 1918 года в Киеве. В 1922 году семья переехала в Москву.

В школьные годы увлекся поэзией Пушкина, Лермонтова, Гейне, Блока, Тихонова. С пятнадцатилетнего возраста Павел начал писать стихи, но, так как был очень требователен к себе, то не публиковал их. Хотя стихи его были популярны в кругу московской литературной молодежи. В 1936 году поступил в Московский институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), спустя три года перевелся на заочное отделение, поступил в Литературный институт им. Горького, где выделялся среди студентов своей одаренностью и отличной памятью.

Война застала Павла в Армении, в геологической экспедиции. Вернувшись в Москву, он с друзьями сразу же пошел в военкомат. Из-за плохого зрения его в свое время освободили от воинской обязанности, выдав белый билет. Военкомат отказал ему и сейчас. Тогда он выучил наизусть всю таблицу... и поразил всех своим стопроцентным зрением. По Литературному институту издали приказ: «... студента четвертого курса Когана П. Д. числить в отпуске до возвращения из Красной Армии». Павел Коган уезжает на юг, в Ставрополь, на курсы военных переводчиков.

У Павла уже был небольшой боевой опыт: с января 1942 г. он находился на южном фронте и участвовал в тяжелых боях под Ростовом, получил контузию, попал в госпиталь, был представлен к награде. Но при отступлении документы потерялись, и медали «За отвагу» Павел не получил. В марте 1942 г. П. Коган писал в письме: «В феврале был контужен, провалялся в госпитале месяц. Теперь опять в полной форме. Очень много видел, много пережил, появились седые волосы. Люто ненавижу фашистов».

Потом в сентябре 1942 г. – участие в сражении за Новороссийск. Лейтенант 1339 стрелкового полка 318 стрелковой дивизии Павел Коган служил военным переводчиком полкового разведотряда. Полк занимал оборону на цементном заводе «Октябрь», сдерживая яростный натиск врага. В это время обстановка в городе была сложная, и чтобы выяснить, какие силы противника действуют в районе цементных заводов, была послана разведгруппа. Она была обстреляна и отошла с потерями. Погиб начальник разведки полка. Встал вопрос, кого послать возглавить эту группу. П. Коган сам вызвался возглавить разведгруппу. После подготовки группа вышла на Южные склоны горы Сахарная Голова, в районе карьеров, по осыпи, где был выбран объект для нападения.

Противник обнаружил её и губительным огнем нанес потери. П. Коган, прикрывая отход группы, пал смертью храбрых. «23 сентября 1942 года он возглавил поиск разведчиков. Когда немцы, обнаружив разведчиков, открыли по ним огонь, Павел Коган поднялся, пошел в рост и был сражен пулей в голову на сопке Сахарная». Это из письма отца.

Незадолго до смерти он пророчески писал другу, Алексею Леонтьеву, предвидя свою гибель: «Я с нее

не вернусь, с проклятой, потому что полез в самую бучу. Такой у меня характер». Так оно и случилось. Весной 1941 года Коган написал такие строки:

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать...

Плохие предчувствия его не обманули, хотя по своей натуре Павел был оптимистом. И в письме другу писал: «Я верю твердо, что будет все: и Родина свободная, и солнце, и споры до хрипоты, и наши книги...». А в одном из своих стихотворений он сказал: «Я пью за май в победном сорок пятом», предугадав День Победы.

Образ Павла Когана ярко проявляется в воспоминаниях его современников. Вот что говорит о нем Алексей Леонтьев: «Он отчаянно любил веселых, честных и смелых людей. Его героем был Щорс. Он любил музыку, а больше всего на свете – стихи. Прочитав стихи, он требовал любого, но прямого ответа, терпеть не мог фальши». Павел Коган не любил компромиссов:

Долой равнодушных:
Они отвратительней жабы.
Долой равнодушных.
Да здравствует слово пристрастных!

А вот слова Давида Самойлова: «Он был человек страстный. Так же горячо, как и к стихам, относился к людям. К друзьям – влюбленно, но уж если кого не любил, то не признавал никаких достоинств. Активность отношения к жизни, к людям была чертой его характера». Сергей Наровчатов писал о нем следующее: «Не ошибусь, если скажу, что он жил поэзией. И разумеется, в этом слове он заключал не просто стихотворчество, но всю свою жизнь, свое отношение к судьбам поколения». Илья Эренбург писал уже после его смерти: «Стихи Когана глубоки, в них мысли взрослого человека. Может быть, он занялся бы и прозой? Больно и горько думать, как война истоптала начавшуюся колоситься ниву русской поэзии».

Ранние стихи лирика и романтика Павла Когана, как признавали литераторы, угловаты и наивны. Но предвоенные произведения проникнуты острым чувством времени:

Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный, неясный гуд,
Там поднимается эпоха,
И я патроны берегу.

Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях,
Ведь если бой, то я с тобою,
Эпоха громкая моя.
Так пусть же в горечь и в награду
Потомки скажут про меня:
«Он жил. Он думал. Часто падал.
Но веку он не изменял».

(Из вступления к поэме «Щорс»)
О подлинном мужестве поколения говорит Павел Коган:

Мое поколение – это зубы сожми и работай,
Мое поколение – это пулю прими и рухни.
Если соли не хватит – хлеб намочи потом,
Если марли не хватит – портянкой заматай тухлой.

С особым трепетом студенты-филологи читали письма Павла Когана, которые были опубликованы уже после его смерти в книгах, изданных в 1960-е и последующие годы.

В ходе мероприятия было прочитано и обсуждено много стихов поэта. Интерес к поэзии бойца, жизнь которого оборвалась на 25-ом году, не угасает и по сей день. Семьдесят три года прошло с момента победного салюта на Красной площади, но память человеческая имеет хорошее качество – не забывает своих героев. В 1960 году в Центральном Доме литераторов золотом на доске было высечено имя П. Когана, наряду с А. Луначарским, А. Гайдаром, Ю. Крымовым и другими писателями и поэтами, погибшими в боях против фашистских захватчиков. В 1968 году П. Коган был удостоен мемориальной медали литературного конкурса им. Н. Островского (посмертно), проводившегося Союзом писателей СССР.

В 1965 году улица Десятинная в восточном районе города Новороссийска названа именем поэта Павла Когана, а профессионально-техническому училищу №7 (ныне «Новороссийский профессиональный техникум») присвоено имя П. Когана. В этом учебном заведении установлен бюст героя.

Стихи П. Д. Когана и на сегодняшний день не потеряли своей актуальности. Они заражают нас огромной силой патриотизма.

Постарнак Г. К.,
старший научный сотрудник
Литературного музея Кубани

Поэзия

Валентина
Беляева

Воронеж

Цикл с эпиграфами из стихов
Анатolia АврутинаМне жаль надежды
обречённой...

* * *

«И останутся нежность
и женщина в сумраке дней...
Извиваются руки, как в небе
неслышная стая.
Всё забудется, знаю...
Лишь тени забытых теней
Шевельнутся порой, что-то в
стылой душе пробуждая...»

Что-то вспыхнет в груди...
Пробежит вдалеке невзначай –
Меж вспенёнными вишнями
девочка в платице лёгком.
И кольнёт растворившись
бесследно скупое: «Прощай»
Сквозь притихшее эхо: «Ну,
здравствуй» – в лесу недалёком.

И вдали исчезавшие шлейфы
озяблых картин
Напоследок блеснут
укоризненно в памяти зыбкой.
И среди них – ты – один, так
нелепо и больно один –
Со своей незабытой, до ужаса
нежной улыбкой.

Налетит и закаркает яростно
вдруг вороньё
Под укрывшейся в страхе едва
ли взшедшей луною.
Так приди же ко мне! Видишь? –
сердце терзает моё
И окрест белый свет обернёт
темнотой смоляною.

Но, помешкав чуть-чуть, ты
губами коснёшься щеки,
Помолчишь, грустно глядя куда-
то во мглу кружевную.
И неслышны шаги твои будут –
воздушно легки.
И вороны вмиг кинутся – прочь
от меня враспынью.

И останется женщина там, за
пределом земли,
Изваянем во мраморе средь
шаловливой метели...
Это мы отыскали её! Это мы так
смогли.
Это мы её сладость вкусить так
жестокое сумели...

* * *

«Я приду, ты не думай,
и Господу больше не жалуйся,
Я приду на берёзовой звонкой
прозрачной заре.
Помнишь, ты обещала, что мы
с тобой встретимся в августе,
А встречаемся, видишь,
в холодном и злом сентябре».

Был обманчивым август.
Тянулся заветренной свежестью
И, резвясь, грохотал
своенравною горной рекой.
И объятья твои снились мне
опьяняющей нежностью.
А за рёбрами странно царил
лицемерный покой.

Мы не встретились в августе. Но,
а была ль непременною
Нам его спелых яблок беспечно
лукавая дрожь?
А октябрьская встреча мне стала
холстиной неверною,
Той, что смоев бесследно

унылый невидимый дождь.

Я не жалуюсь Господу... Но этой
лиственной заметью
Надо мною ночами восходит
чужая звезда.
И что делать мне с ней? И зачем
в моей предавшей памяти –
Не земля под ногами, а скользкие
доски моста?..

Да встречались ли мы? Что ж...
Ещё будет стужа метельная.
Будет новый сентябрь изощрённым
тигриным клыком.
А с ладони скользнёт что-то
жаркое в глушь запредельную.
Ну, а ты – зарыдаешь... И вспомнить
не сможешь – о ком...

* * *

«Реальность небылью
казалась,
А женщина в реке купалась.
И что-то дрогнуло в груди,
Когда плыла она – нагая, –
Руками звёзды раздвигая,
Плыла по Млечному Пути».

Горела ночь. Звала, плескалась,
В моих ладонях согревалась.
Ах, что за чуда эталон!
Вода была волной Евфрата,
А руки – крыльями фрегата
И где-то рядом – Вавилон!

И боги видели всё это
Глазами древнего поэта –
В огне мелькающих рапир.
И пела мгла, ещё безгрешна,
Едва ли слышно, безмятежно –
Под звуки скрипок, арф и лир.

А за ветлой на косогоре
Таилась чья-то тень и вскоре –
Исчезла где-то впереди.
А я плыла по кромке рая,
«Руками звёзды раздвигая»,
Плыла по Млечному пути.

А ночь взволнованно дышала,
И я лишь ей принадлежала
И наслаждалась тишиной.
А ты глядел, поэт безвестный,
И ощущал себя над бездной
С её богиней неземной...

* * *

«Ты смотришь сквозь меня...
Превыше всех пророчеств,
Превыше вечеров
у зябкого огня,
Когда нельзя на «Вы»,
когда не помнят отчеств...
Обидно и светло ты
смотришь сквозь меня».

Ты не узнал его –
взметнувшийся и ложный
Мой прежний карий взгляд,
когда забыто «Вы».
И между нами – шаг.
И миг его тревожный
В себе уже таил
сокровища молвы.

Ты не владел собой.
Тобой владели звуки,
Их рвущийся огонь
в осколочной строке.
И мучили тебя
бессмысленные руки,
И был бесчувствен ток,
когда щека к щеке.

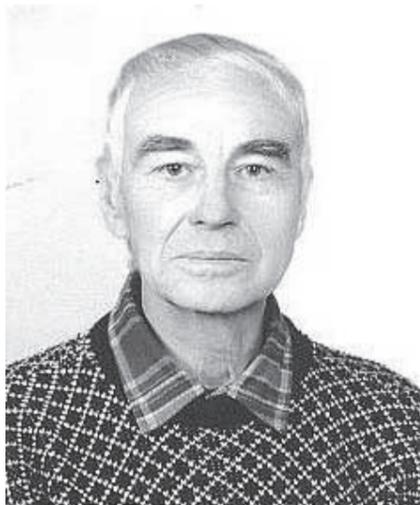
Но как, поверь, мне жаль
надежды обречённой,
Когда уже на «ты»
и смелый взмах бровей.
И беззаботный смех,
и взгляд мой отрешённый –
Навылет, сквозь тебя...
болел в груди моей...

ЮБИЛЕЙ

НИКОЛАЙ СИТНИКОВ

Сочи

СОЧИ – ГОРОД-ГОСПИТАЛЬ

Наш город-госпиталь навстречу страданию, навстречу раненым круглые сутки протягивал руки, сдерживая рыдания. И был без корысти щедрым и чутким. Восемьсот раненых – на одного хирурга. За операционным столом бессонные ночи. С каждой улицы и каждого переулка спешили на помощь жители Сочи. Мобилизованную природу, как сестру милосердия, приставили к страдающему народу. И она проявляла усердие, склоняясь над человеческою бедою. Когда не хватало крови, в вены морской водою Вливалась, даруя здоровье. А если не хватало бинтов и ваты, И обескровленные воины теряли силы, малолетки – сочинские ребята, самшитовый мох приносили. Отступало от раны, окуренной хвоей, заражение. Не переставало радовать и удивлять скорое заживление. Для исцелённых воинов, поднимающих глаза к звёздам, подносящих в ладонях морскую воду к шрамам, жадной грудью вдыхающих сочинский воздух, природа опять становилась храмом. И снова шептали любовные речи. Но ярость, как в песне поётся, вскипала. И вновь подставляли окрепшие плечи под бремя войны, чтобы свастика пала.

Это мама побелила облако – Обо мне она скорбит в раю. Молит: – Человеческого облика Не теряй у бездны на краю!.. Человек я, в общем-то, порядочный. Только что стряслось с моей душой? Отчего унылый и безрадостный? Бездуховность видно, – грех большой! Вот и побелила мама облако И плывёт на нём в голубизне, Чтобы от меня дожидаться отклика, Чтобы душу воскресить во мне. Это мамин парус перламутровый! Чтобы к небу я поднял глаза. Слышу я: «Сыночек, с добрым утром!..» И... с небес летит ко мне слеза.

Я опорой не стал тебе, грустная мама, Не спешил одарить, тёплым словом согреть. Мол, успею ещё... но пришла телеграмма. И вину искупить помешала мне смерть. О могильное дно стон ударился глухо,

И слеза по щеке покатилась, как ртуть. Ком земли, громохнув, не рассыпался пухом. Это он, отскочив, камнем лёг мне на грудь.

Страна снегами забинтована, И слышен стон в её ветрах. Россия, что нам уготовано? Тоску пронизывает страх.

Мне так же, как тебе, недужится, Что кануло, нам не вернуть! И душу сковывает ужасом, И стужа выжигает грудь.

Но верю я, что за терпение Вознаграждённой будешь ты. Весна разбудит птичьим пением И, исцелив, сорвёт бинты.

НА ПОЖАРЕ

Истощенный детский плач и женский крик Горящий дом нам выплеснул навстречу. Марш лестницы поставил нас в тупик, В подъезде рухнув чуть ли не на плечи. Вонзил в высокий подоконник крюк Наш командир и. как на тренировке, Одним касаньем сильных ног и рук Взлетел в проем оконный по штурмовке Команду подал: «Воду на меня!» И на второй этаж нырнул, как в кратер. В густом дыму и языках огня На детский плач на ощупь шёл к кровати. А мы за ним с норовистым стволом, Вибрирующим, словно сом в ладонях, Семь рукавов тащили вчетвером, Водой набитых, весящих полтонны. Сбивали пламя длинною струёй. Искрили головешки под ногами, Вода шипела, пенясь, как в парной, И наши лица паром обжигала. Дым ел глаза и доводил до слёз. И вспыхнув, мигом обгорали брови. Наш командир в руках ребёнка нёс, Накрыв собой, решительный, суровый. Как зверя оцепили мы очаг. По рыжей гриве струями стегали. И лили воду в пасть, покуда не зачах, Не захлебнулся, исходя угаром. Вздыхает за спиной спасённый дом. Промокли куртки от воды и пота. Устали мы, но выполнили долг. Устали – ничего. Работа есть работа.

ДОЧЕРИ

Бог милостив был и одаривал женщин Красою небесной...тех больше, тех меньше, Ту – ножкой изящной, ту – звёздной улыбкой, Походкою лёгкой, фигуркою гибкой... И эти черты грациозной мадонны Разбросаны были по Волге, по Дону. И сотни колен родословной цепочки Копили, хранили те гены для дочки. Собрать их и склеить мне выпало счастье. Я принял в творенье шедевра участие!

Циклон обрушился на город, Обледенели провода, Упали электроопоры, Исчезли свет, тепло, вода. Вздохнула ты: «Какая жалость! Наш телевизор замолчал!» И ласково ко мне прижалась, Улыбкою смахнув печаль. Мы – две опоры, ток струится, Обогреватели – в груди. Свет озаряет наши лица, С ремонтом, служба, погоди!

МОЯ ПЕРВАЯ ИГРУШКА

Игрушка-погремушка серебрится В моих руках... Шёл сорок третий год. Наш город был освобождён от фрица. Нам землю отвели под огород. Игрушку я нашёл в траве-порее И радостно прижался ее к груди. Но крикнул дед мой: «Брось её! Скорее!» Я бросил. И рвануло впереди. Упал в крови я. Ранило старушку. В больницу нас отвёз на тачке дед. Такой была та первая игрушка, Что чуть мне затмила белый свет.

СВЕТ ПАСХАЛЬНЫЙ

И пусть сегодня хлеб насущный горек, Но солнце освещает наш пригорок. И осененный ясенем балкон – Весь в белых розах, листьях виноградных. Свет целомудрия нисходит к нам с икон. И зреет нежность в душах благодарных. В порывах благородства, чистоты – Как брат с сестрой сияем я и ты.

АЛЫЧА

Доросла мне до плеча И уже фату надела. Торопыжка-алыча Стать невестой захотела. Из-за снежных гор пострел Свысока её приметил. Словно коршун налетел И когтями влился ветер. Ей угрозы нипочем В страшной схватке устояла. Перед солнечным лучом Расцвела и засияла.

Неловко в кабину взбираюсь с мороза. Здесь уголь лопатой-«грабаркой» Отец мой швыряет в нутро паровоза, Спит меня вспышкой жаркой!.. Списали давно паровоз. Он на свалке. Отец под могильной плитою. Но туча, как поезд его. Ёлки-палки! Она не дает мне покоя. Пыхтит паровоз и пары выпускает. За окнами холодно, мутно.

Отец-коچهгар меня взглядом ласкает. И мне так тепло и уютно... Где тот паровоз? Ни трубы, ни заклёпки! И нет на земле человека. Но уголь горит в ослепительной топке И греет мне душу полвека.

КРАСНЫЙ БЫЧОК

У коровы у нашей родился бычок, Красный, с пятнышком белым – звездочку. На траве я ложился к нему под бочок. Как мы с ним увлеклись игрою!

Я и гладил его, и ладошкой – хлоп! И трепал ему красные ушки. Своим лбом ударял его с силою в лоб И азартно кричал: «Бушки! Бушки!»

Я его заводил. Я инстинкт в нем будил. Прорезались во лбу его рожки. Я, боднув, от него в тот же миг уходил, А он мчался за мной по дорожке.

Как догонит меня, так поддаст мне под зад. Я, смеясь, на траве кувырчался... Мой отец, молодой, заглянув утром в сад, Улыбался светло: – Доигрался!

Мне с неба блеск алмазной брошки Сулил находку на земле. И вкрадчивой походкой кошки Ты сзади подошла ко мне.

Мое лицо ты обхватила, Ладонями глаза прикрыв, На миг померкли все светила

Твой образ душу осветил.

Когда же руки отстранила, Вмиг вспыхнув, звездочки зажглись, Чтоб я запомнил облик милой На всю оставшуюся жизнь.

Нырну я в чистую волну, К ней телом и душой прильну, Свернусь, как в материнском чреве. Мать-море, в зыбке покачай, И прошепчи свои напевы, И раствори мою печаль.

В НОВОГОДЬЕ

И десять градусов вода, И шторм, взыграв, Волной накроет, Но им три балла – ерунда! Друзья-моржи заходят в море. Целует море их взасос, Подбрасывает с рёвом, гулом, Меня, воскликнувшего «SOS!», Бодрит воздушным поцелуем. Куранты бьют – ныряет друг, Когда-то бывший мореходом, И в новом вынырнув году, Кричит: «Ребята, с НОВЫМ ГОДОМ!»

Здравствуй море с белой пеной, Я тобою дорожу, Преклонив свои колена, Как в шампанское вхожу. Но когда рукой гигантского Бросишь, волн гремучих стаю, Я, как пробка из шампанского, Кувыркнувшись, вылетаю.

Мы постоянно ждём подвоха, И даже в снах мы начеку. Гранатой катится эпоха. В ней кто-то выдернул чеку.

Пьяный неуклюже Развалился в луже. – Что за безобразия?! – Принимаю грязи я!

ЛАНЬ И ВЕРБЛЮД

Бык Лани говорил: «Ну, милая, и чудо – С твоею красотой любить горбатого Верблюда». Лань улыбнулась: «Шевели мозгами – Ведь то не горб – мешок с деньгами!»

ВЕРНЫЙ ВЫБОР

«Жираф – избранник мой, – Воскликнула Мартышка, – Пусть он и глуповат и не по моде стрижка, Зато на шее хватит места мне, А заодно и всей моей родне!»

Энцефалитный клещ, представил справку, Что замещает медицинскую пивавку.

СОВРЕМЕННАЯ МАДОННА

Над грудным ребёнком нимб Дымным облаком колышется, С сигаретой мать над ним – На ребёнка не надышится.

ПЕТИНА СОВЕСТЬ

Он разошелся С первою женой. Женился на второй, На третьей... Сидеть на шее долго на одной Не позволяет совесть Пете!

Редакция газеты «Кубанский писатель» сердечно поздравляет поэта, члена Союза писателей России Николая Ивановича Ситникова с 70-летием!

ПРОЗА

Мария Грачёва

ТО САМОЕ МЕСТО

С Лазаревым Степкой я познакомилась, будучи жабой. Удивлены? Что только не происходит, когда живешь в Тридевятом царстве! Встреча, особенно такая, совершенно не случайная, помогла мне стать собой и найти в лице Степана настоящего друга и может быть, самую первую любовь. Но чудеса являлись мне с завидным постоянством всю жизнь, с раннего детства.

Одним, теплым летним деньком мы – Степан и я, погрузив несколько разномастных ведер в папин автомобиль, – поехали в старый, деревенский домик моего деда, собирать абрикосы. Захотелось поделиться чем-то памятным, тем, что незримо живет здесь до сих пор. Разделить воспоминания. Пока Лазарев добросовестно выбирал справное ведро и размышлял над сложнейшим вопросом: «Ставить лестницу или так справимся?» – я, расхаживая под деревом, возвышенным голосом начала свой тревожащий душу рассказ:

– Помнишь старые атласы, которые в детстве сами собой находились на антресолях? И как они пахли: старой бумагой и мышами, что целым семейством живут по соседству. В доме была целая стопка различных атласов на многих языках. И дедушка – Федот Антипович, который в те времена пах рекой и дешёвым крепким табаком, открывал после обеда атлас и рассказывал о временах своей молодости. Он видел края мира, откуда на Запад и на Восток простирается океан, нескончаемый и могущественный. Он говорил, что находясь там, невозможно поверить, что за этой бесконечностью есть другая земля. А еще он сказал, что только в таких местах, понимаешь, – есть нечто большее, чем ты сам. И я все пыталась найти такое место.

Помню, как дед любил рыbacить, сидя на берегу и ждал свою первую рыбку. Солнце возносилось ввысь, припекая макушку, над блестящей речной водой носились стрекозы и зависали над самодельным поплавком. Бабушка – Ксения Кирилловна, после обязательного супа на первое, ставила на стол миску с пойманными жареными карасями, с хрустящими хвостиками, попахивающие тиной. Мы с дедушкой, обгоняя друг друга, принимались за наш нехитрый обед. А после, дед, передвигая мою табуретку ближе к себе, говорил:

– Слушай, малёк, – заговорщицки поглядывал на выходящую из комнат супругу, этот рассказ был только для меня, – у нас ведь как в Тридевятом, чудеса на каждом шагу, стоит лишь присмотреться, расскажу я тебе об одном из них.

Когда дедушка принимался рассказывать, я вместе с ним переносилась в неизведанные земли и участвовала в приключениях.

– Однажды направили меня с коллегами в Самоцветные горы провести съемки в тамошних шахтах, там как раз открыли новое месторождение, – вздыхал и улыбался, вспоминая минувшее, – значит, расселили нас, встретили, как полагают, предложили их места осмотреть. Мы и согласились. Красиво там у них.

– Как у нас? – живо спрашивала я.

– А как же, – дед улыбался, дергал короткую бородку, – в точности, но у нас красивее.

Я согласно кивала: как же иначе, нет ничего на свете красивее, чем родные места.

– Собрали нас утром, мы все невыспавшиеся, кто-то зевал так, что не заметил бы, как в рот мухи залетели. Погрузили нас в автобус и повезли. Недалеко. Гид – это такой человек, кто о местах рассказывать умеет...

– Как ты, деда – уточнила я. Дед хмыкнул, но похвалу принял.

– Можно и так сказать. Слушай-ка, малёк, рот на замок, поклянись.

Я торжественно кивала и звонко выкрикивала «Клянусь», и мой Федот Антипович, сказавши, продолжал свою историю.

– Так вот, гид рассказывал про горы, мы лучше б о них рассказать могли, а так же местные сказки и поверья. Но мы не слушали его. Слишком взрослые, что б в сказки верить. Мы дремали у окна, хлебали водичку, ждали остановку. Запомни, малёк – нет никого, кто бы слишком вырос и сказки его не трогали совсем и не меняли изнутри.

Я кивала и представляла, как что-то шипит и булькает у меня внутри, точно звонкий искренний смех. Трогает, пощипывает искристыми пальцами.

– Вышли. Повел нас в горы. Вроде прохладно, но обливаемся потом, как-то раскраснелись все. Тяжело. Идём медленно. Горы. Будто, кто солнцем обратным ходом пустил, и время вспять повернул. Мы в древность вышли, такую тихую, словно в куске янтаря застыли. Иду, у самого холода по спине. Солнце светит, пятнает лучами мшистые камни, пичуги в деревьях надрываются. Красота. Да только всё больше кажется, что не для моих глаз. Приотстал. На камень сел дух перевести. В ботинках сопревшими пальцами пошевелил, разминая. Глаза поднял. Смотрю – нет никого на тропинке. Другой раз посмотрел. Гляжу и комок в горле застрял, сердце в пятки ушло. Вижу, этакое чудо. Стоит предо мной, буквально в десятке шагов, низкий человек, с всклокоченными волосами, белой, что снег кожей, затянутыми бельмами глазами. И руки у него вдоль туловища повисают до колен. Страшно. Ой, страшно.

Я от страха глаза ладонями прикрыла и украдкой на деда поглядывала.

– Чудо это мне рукой машет, мол: за мной иди. И я пошёл, точно кто дёрнул. Иду, значит. А солнце светит, да теней нет вовсе. Небо тёмное, почти как баклажан. Шагов не слышно. Ватные мои ноги. Взять бы и обратно повернуть, только как? Неужто чудо возьмёт и меня отпустит. Идём дальше. Вдруг, откуда не возьмись, выскакивает вход в пещеру. Чёрная трещина в скале, человек туда нырнул, а я как не трудился, никак за ним не мог пройти. Шаг и меня что-то невидимое в грудь толкает. Голова кружится, трясёт, как в лихорадке. Оглянулся назад и в глазах зарыбило. Все на своих местах, птицы трещат, с ветки на ветку поскакивают. Заблудился, завело меня чудо. Остался на месте. И часа через два меня товарищи нашли. Навсегда запомнил.

Обещая молчать, я так и подсакивала, ерзая на табуретке, так хотелось мне выспросить, что это за человечек такой был. Дед видел, и усмехался.

– Погоди, егоза. Дай, сначала до конца расскажу. Нашли меня. Обратной дорогой все во мне перемену заметили. Похудел будто, лицом заострился. Сам-то я чую, стал на всех смотреть иначе, и все примечать. Открылось мне все плохое и особенно хорошее, что я раньше в людях не видел. А может не хотел видеть. Иду, улыбаюсь, на меня смотрят. А мне всё равно, пусть – думаю, – смотрят. Худого никому не чиню. Обошли меня опасности стороной. А такие опасности в моей работе бывали! Не чудо ли меня новым зрением наделило?

– Оно? – не утерпела, замерев и представив все серьёзные препятствия, встающие на дедушкином пути. Как он, должно быть, достойно из них выбирался!

– Нет, малёк, язычок дверью хочешь прищемить? Будет длинным, в рот не поместится. За несколько дней до того, как мы домой должны были оправиться, гид у меня выпытал. И сам, пожимая плечами: такие истории в порядке вещей – поведал мне, что видел я старых людей, так их зовут, под горой живут.

Я в нетерпении, кажется, покраснела, пытаюсь не выпускать изо рта слова.

– Ну, говори, так и быть, – разрешил дед, посмеиваясь.

– А ты его больше не видел? У нас они есть?

– Нет, не видел. У нас другие чудеса обитают, внимательной будешь – увидишь. Увижу, конечно, увижу.

– По дороге домой постоянно оглядывался, глаза косил. В автобусе, подъезжая к нашему городу, огляделся. Степь, одетая в золото. Степное море, разлитое до горизонта, ветер гонит пыльные волны. Гаснет солнце, тонет в этом сиянии, будто какой-то художник развел акварель, смешав красный и синий, мазнул синевой по небу, нарисовал сиреневую дымку и маленькую звездочку с краю. Всё у меня внутри так напряглось, дыхание перехватило, слезы, слезы... Никогда не видел раньше такой красоты. Впереди город, родной город. Все-то мы чудес ждём, высматриваем, выжидаем. Настоящего не видим. Океаны видел, города чужестранные, а домой возвращаясь, удивлялся: что у нас всё такое обтрёпанное. Да, такое, но всё же, будто нездешним светом озаренное, для меня одного. Ты может, и не понимаешь, – говорил дедушка, – но...

– Ты куда, Зой?! Я тебя слушаю, мне из-за веток не видно тебя просто.

Оборвав свой рассказ, я оставила Лазарева на стремянке и убежала в дом. Меня озарило нездешним светом. Нашла. Атлас, пожелтевший, но там на одной из страниц

прячется улица, дом. С колотящимся сердцем, прихватив красный маркер, вернулась на улицу, где Степка обрывал с веток дикие абрикосы – жерделу, и бросал в пластиковое красное ведро. Абрикосовые деревья были до того старые, что даже долговязый Лазарев не мог до всех плодов добраться.

– Ты куда убежала? – спросил Степка, спускаясь.

– Вот, смотри, я только поняла. Сейчас, – пролистала, досадуя на то, что некоторые листки склеились, – Ага! Повернись.

Возмущенный тем, что не получил объяснений моему поведению, Степан повернулся, я представ на цыпочки приложила к его спине атлас и нарисовала жирную красную точку и щедрыми буквами подписала: «То, самое место».

– Гляди, – показала.

Степка в атлас глянул, и кивнул серьезно, будто говоря мне: «Правильно». От того, что Лазарев мной может гордиться теперь, счастье из меня полезло, как тесто из кадки. Обняв Степана крепко, уткнулась лицом в его грудь, и улыбнулась до ушей. Слезы, слёзы. Пусть. Вспоминаю дедушку, которого уже нет, а, кажется, что оглянусь, в глазах зарыбит, и он рядом. Правда, деда?

Степка с неохотой разорвал наши объятия, наморщил лоб, но сказал:

– Ты мне помогать будешь. Твои намеренья? – строго глянул. – Чем раньше соберем, тем быстрее варенье сварится.

– Да буду я, буду, – буркнула, вспоминая о всяких букашках, (которых на дух не переносю) гнилых плодах: чуть надавишь и липкая кашка по всей ладони – мало приятного, но отлынивать не берусь. В нашем Тридевятом бродят разные сказочные существа, которых медом не корми, дай только дело доброе, нравучительное сотворить.

– Снизу буду обрывать, поэтому смотри куда бросаешь, – наставнически произнесла я, принимаясь за дело.

Вечером, когда настало время чая, мы сели на деревянном крыльце, будто на подушку, сшитую из света, льющегося из дверного проема. К желтой лампочке-светлячку подлетали мошки, большекрылые мотыльки, кружились вокруг, ударяясь в стекло. Мы пили крепкий, духмяный чай из эмалированных кружек, с протертими до черных пятнышек боками. Степан ел немые абрикосы и складывал косточки кучкой подле себя. Вокруг рисовалась темнота, густая. Слово мы плывём в океане на нашем корабле-доме и лампочка, как прожектор озаряет черноту. Вдалеке ударит колокол сигнального буя...

– Лягушка поёт, слышишь?

– Нет, – лениво ответил Степан.

Я закрыла глаза и прислушалась.

– Она поёт, – убежденно произнесла, – ты тоже закрой глаза.

– Не слышу, – Лазарев честно пытался услышать, с закрытыми глазами. – Может лечь?

– Ага, и представляй, – я рассмеялась.

Я знаю, стоит лишь закрыть глаза, представить и можно увидеть, как ёжик с медвежонком сидят под звездами у реки, чайник сперва урчит, а потом клокочет, и звезды падают прямо в траву и, большие, тёплые, шевелятся у их ног. Чудеса живут рядышком, под самым носом, в том, самом месте, что каждый зовёт своим домом.

ПАНОРАМА

С 4 по 7 июля 2018 года в Ярославле было проведено Всероссийское совещание молодых авторов СПР «Некрасовский семинар в «Карабихе». В Совещании приняли участие 51 молодой автор из 19 региона Российской Федерации. Совещание проходило в ДК «Строитель».

В программе Совещания были круглые столы по современной литературе, концерты, участие в Некрасовском празднике в усадьбе «Карабиха», а также работа в творческих семинарах. Руководителями семинаров стали секретари и члены Союза писателей России: Василий Владимирович Дворцов, Алексей Дмитриевич Ахматов, Анатолий Павлович Смирнов, Галина Ивановна Седых, Лариса Эдуардовна Желенис, Григорий Викторович Шувалов, Светлана Николаевна Макарова-Гриценко, Светлана Рустэмовна Чураева, Пётр Васильевич Палиевский и Вячеслав Дмитриевич Лютый.

По итогам Всероссийского совещания «Некрасовский семинар в «Карабихе» лучшие поэты, прозаики, критики рекомендованы в члены Союза писателей России. Решено также пригласить на Большое ежегодное Совещание молодых авторов СПР в Москве в феврале 2019 года наиболее одарённых литераторов.

ПОЭЗИЯ

ГЕНРИХ УЖЕГОВ

Тихорецк

Отмеряны мои земные вёрсты,
И я хочу в тот светлый мир уйти
Где птица счастья склёвывает звёзды
Со сказочного Млечного Пути.

Тот мир не всем доступен и понятен
Но я хочу остаться вечно в нём,
И раствориться в блеске лунных пятен
Чтобы светить их сказочным огнём.

И пусть хоть кто-то на моей планете
Через каких-то пару сотен лет
В минуту грусти вспомнит о поэте,
Который превратился в этот свет.

Ответь мне на нежность нежностью,
Ответь мне на ласку ласкою,
Пусть станет любовь безбрежностью,
Красивой и доброй сказкою.

И если всё это сбудется,
То жизнь будет счастьем полниться,
А прошлое позабудется
И больше уже не вспомнится.

Писем нет. И не надо.
Ничего не пиши.
Мне бы чуточку взгляда,
Мне бы каплю души.

Мне бы губ твоих нежность,
Твоих рук теплоту,
Разорвать безнадежность
Затопить пустоту.

И не волны цунами,
И не тысячи миль –
Стал в пути между нами
Равнодушия штиль...

Волны, холод и ветер,
Да полярная мгла,
Неужели на свете
Нет любви и тепла?

Впрочем, трогать не стоит
Горечь прежних утрат,
Каждый жизнь свою строит
На особенный лад.

Память – боль и отрада
Опаленной души.
Писем нет... И не надо,
Ничего не пиши.

Я – ВОЛК ОДИНОКИЙ

Я – волк одинокий. И часто мне снится
Ушедшая в чащу лесную волчица.

Она не вернулась. А что с нею случилось,
Мне, старому волку, гадать лишь осталось.

Быть может, охотничьи чьи-то забавы
Её уложили на мягкие травы.

И видели елей ветвистые кроны,

Как кости волчицы тащили вороны.

А может, ушла она в новую стаю,
Навряд ли я это когда-то узнаю.

Поэтому часто порою ночью
Я жалуясь небу, тоскую и вою.

Но только мороз отзывается колко
На горестный плач одинокого волка.

Жизнь прошла с предутренними росами,
Сколько лет промчалось, сколько зим,
Я не надоем тебе расспросами,
Мы с тобою просто помолчим.

Помолчим о том, кого не встретили
Ни зимой, ни летом, ни весной.
Помолчим о том, что не заметили,
Как любовь проходит стороной.

В юности мы все немного странные –
Ищем только принцев и принцесс,
И считаем тряпки иностранные
Манной благодатною с небес.

Девушкой с распущенными косами
Ты прошла через судьбу мою,
Я не утомлю тебе расспросами,
Просто с детством рядом постою.

Какая-то уверенность и сила
Была в словах насмешливых твоих,
Когда ты, улыбаясь, говорила:
– Одной любви не хватит на двоих.

А я не верил и божилась кровью,
И доказать пытался всем окрест,
Что если любишь, то своей любовью
Ты даже можешь сдвинуть Эверест.

Что если любишь, всё тебе подвластно:
И время, и пространство, и мечты...
Как я ошибся глупо и ужасно,
И как права была когда-то ты.

Всё в жизни так таинственно и сложно,
И вот настал тот злополучный миг,
Когда я понял: счастье невозможно
Одной любви не хватит на двоих.

Седые тучи, ветер шквальный,
Слились с водою небеса,
И шторм почти десятибалльный
Срывает с мачты паруса.

Корабль – песчинка. В бурном море
Песчинка эта не видна,
Придётся нам, наверно, вскоре
Хлебнуть солёного вина.

В моей судьбе бывали виды,
Но тут, среди кромешной мглы,
На нас идут как пирамиды
Восьмиметровые валы.

Снежинки в воздухе мелькают
И ветер яростно колюч,
Зигзаги молний пробегают
Среди багрово-чёрных туч.

Меж волн кипящих чайки стонут:
– Вам не видать родной земли...
Вот так всегда, наверно, тонут
Во время шторма корабли.

Мне побережь бы раньше шкуру,
Писать рассказы от тоски,
Сейчас жалею я, что сдуру
Пошёл когда-то в моряки.

Наш капитан с потухшей трубкой
С утра сегодня у руля...
А волны пеняются над рубкой
И лижут мачты корабля.

Но нам бояться нет причины –
Пусть впереди хоть шторм, хоть мель.
В морях рождаются мужчины,
Здесь их солёная купель.

И чайкам я кричу как людям:
– Мы принимаем этот бой
И до конца бороться будем
Со штормом, морем и судьбой.

БУХТА СЕРОГЛАЗКА

Моряки с мужскою лаской
У России на краю,
Называют Сероглазкой
Бухту тихую свою.

Здесь у самого причала,
Ближе к кромке ледяной,
Сероглазка нас встречала
Первозданной тишиной.

Огоньки вдали дрожали,
Затухая иногда,
И подковой окружали
Бухту, море и суда.

Сопки, скрытые туманом,
Проступали в мягкой мгле,
Все казалось очень странным,
Не реальным на земле.

Лунный диск неярким светом
Сверху море освещал,
Будто нас в свои секреты
Осторожно посвящал.

Я запомнил эту сказку,
Светлой ночи тишину,
Эту бухту Сероглазку
И камчатскую волну.

Ночь так светла. Захватывает дух.
Садов кипенье не окинешь взглядом,
И кружит тополиный пух
Над спящим городом и садом.

Как яхта, полуночная луна
Плывет своей дорогой неизменной,
И звёзды, словно Божьи письма,
Горят на черном бархате Вселенной.

Стихи – сосуд, в котором наши чувства
Приобретают контуры души,
Писать стихи – великое искусство.
Не веришь? Ну, попробуй, напиши!

Строка должна звенеть как колокольчик,
Красивой быть, как ива у пруда,
И чем стихи пронзительней и звонче,
Тем больше в них заложено труда.

Слова в строке, как камушки морские,
Обкатаны и сглажены не раз,
Поэт – пловец, поэзия – стихия,
А остров назначения – Парнас.

И чтоб стихи, взлетая словно птицы,
Могли в подлунном мире уцелеть,
Над каждым словом надо потрудиться
И каждую строкой переболеть.

ВЕЧЕР НА КУБАНИ

Дали степные прозрачны и чисты,
Солнца погасли лучи,
Звёзды зарю разобрали на искры
И разлетелись в ночи.

Землю ласкает ночная прохлада
В окнах горят огоньки,
Дремлют деревья притихшего сада
И камыши у реки.

Вот пролетела по небу комета,
Ей подмигнула звезда,
Птица залётная вскрикнула где-то,
В речке плеснула вода.

Гривы пшеничные тихо колыхет
Лёгкий ночной ветерок,
Здесь лишь привычное ухо услышит
Песню полей и дорог.

Кажется, будто на степи и воды
Божья сошла благодать...
Нет. Красоту нашей русской природы
Словом нельзя передать.

Давно я расстался с любимой моей,
Но помню ту девочку юную...
Зачем обманул ты меня, соловей,
В ту ночь ослепительно-лунную?

Зачем подарил ты нам песню без слов,

Под вечнозелеными кущами,
Зачем научил говорить про любовь
Словами, от сердца идущими?

Под трели твои и рулады твои
Красиво мечталось и верилось,
Но годы промчались и сказка любви
Как дымка тумана развеялась.

Сегодня опять из зеленых ветвей
Доносятся трели органичные,
Но я не поверю тебе, соловей,
Ведь все твои песни обманные.

Где есть Христос, там будет и Иуда,
А где Иуда, там всегда кресты,
Мир не изменит никакое чудо
За исключением чуда доброты.

Пока жестокость не забудут люди,
Земля не станет колыбелью роз,
Из века в век, так было и так будет-
Добро и зло, Иуда и Христос.

Земля весенним ветром дышит,
Цветущий сад ласкает взор,
Рукой волшебной в небе вышит
Из звезд причудливый узор.

Покрыто небо звездной пылью,
Покой и мир царят в душе,
И кажется прекрасной былью
Та жизнь, что прожита уже.

Сиянье льется с небосвода
На лунном сказочном крыле,
Напоминая, что Природа
Частица Бога на Земле.

Нас дурманила запахом мята,
Белой дымкой туманился плёс,
И багряное пламя заката
Озаряло вершины берез.

Мне запомнилось это прощанье,
Ветерок над Кубанью-рекой,
Тишина, и слова-обещанья,
И такой деревенский покой.

Затянулась печальная встреча
И уйти просто не было сил,
Не с тобой я прощался в тот вечер,
А из мира мечты уходил.

Всё прошло, всё умчалось куда-то,
Этот вечер, и дымка, и плес,
И холодное пламя заката
На вершинах притихших берез.

Мы гасили искру Божью
Целых восемьдесят лет,
Называли правду ложью,
Называли тьмою свет.

Иисуса и пророка
Отрицали всей страной,
И безропотно до срока
Уходили в мир иной.

И сейчас на бездорожье
Мы гадаем через дрожь,-
То ли – правда будет ложью,
То ли – правдой станет ложь.

Дни ушедшие, дни минувшие
Заметелила жизни новь,
Только чувства, давно уснувшие,
По весне пробуждаются вновь.

Снова в добрых волшебников верится,
Каждый вечер как ласковый друг,
И под ноги поземкою стелется
Тополей перламутровый пух.

После мая весна не кончается,
Она в сердце лежит, ну и пусть,
Может кто-то в пути повстречается
И разделит со мной мою грусть.

Может кто-то под старыми клёнами
Приоткроет мне душу свою,
Может снова мы будем влюбленными
У прошедшей весны на краю.

ВНИМАНИЕ!

VIII Международный фестиваль-конкурс «Искусство объединяет мир» приглашает к участию поэтов и прозаиков. Фестиваль проходит при поддержке Управления делами Президента Российской Федерации, мэрии города Сочи, городского Собрания города Сочи, городского Совета Ветеранов города Сочи, Управления культуры города Сочи, Краснодарского государственного Университета культуры и искусства.

Сроки проведения: с 01 по 06 ноября 2018 г. Место проведения оздоровитель-

ный комплекс «Дагомыс». Срок подачи заявок: до 25 октября 2018 г.

Номинация «ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО»

Направления: Поэзия и проза. **Категории:** стихотворения, рассказы.

Требования: не более 10 стихотворений, рассказ до 10 000 знаков с пробелами.

Возрастные категории – «Дети», «Юниоры», «Взрослые».

Первый этап – заочный, когда будут присылаться произведения, которые при-

мут участие в конкурсе. **Второй этап** – очный. Участники приезжают, читают произведения, а на следующий день – подведение итогов.

По итогам конкурса участникам присваиваются следующие звания:

лауреат и обладатель Гран-при, лауреат (трех степеней), дипломант (трех степеней), диплом участника.

Внимание! Для участия в Международном фестивале-конкурсе «Искусство объединяет мир» необходимо заполнить анкету-заявку и направить вместе с произведениями на электронный адрес: edinyu.mir@mail.ru

Об условиях приезда и размещения обращаться к президенту фестиваля Майи Германовны Власко: тел. 8-938-497-04-13, 8-918-404-79-01, 8 (862) 25-70-500

Голоса России

Ирина Иванникова

Рязань

ЛЕТНЯЯ РАДОСТЬ

Небо отражается в зеркале реки. Водомерки бегают наперегонки, И кричат отчаянно чайки над водой.

Берег неokoшенный пахнет лебедой, Горечью полыневой, утренней росой, Тёплой летней радостью – звонкой и босой!

В ДОЛИНЕ ЛЕТА

Мы приходили в речную долину, Мы собирали лесную малину. Цапля, покинув холодную воду, Хлопала крыльями по небосводу. А на просёлочной тропке-дороге Кошка бездомная тёрлась о ноги. Ветер гулял у соснового бора. – Скоро ли осень? – Не скоро, не скоро!

НА СКЛОНЕ АВГУСТА

На солнце выгорело лето. Уткнулся в небо сухостой, А бальзамин у речки где-то Благоухает над водой.

Цветут вразвалочку цикорий, Иван-да-Марья и кипрей. Так много день вершит историй, Что к ночи клонится быстрее.

Завечереет, и в потёмках Увидишь, если подождёшь, Как лист кленовый на иголках Уносит вместе с летом ёж.

МАМЕ

Когда дневной умолкнет шум, Вишнёвой станет топь заката, Тебя я тихо попрошу: «Сыграй мне «Лунную сонату».

И ты движением руки Коснёшься клавиш безмятежно. Проснутся звуки-мотыльки, Порхая бархатно и нежно.

ПОВЗВОНИТЕ БАБУШКЕ!

У бабушки снова молчит телефон, Недавно уехали внуки. На даче закончился летний сезон, И осень бредёт по округе.

И яблоки падают где-то в саду, И ветер играет калиткой, Порой паутина мелькнёт на лету Серебряной тоненькой ниткой.

А бабушка ждёт... От звонка до звонка Ей так одиноко на свете! Звоните, звоните, звоните, пока Вам бабушка может ответить.

ЛИЛИЯ

Я видел, как лилия плачет В хрустальных объятиях вазы. Росла она кротко на даче, Лелея сестёр долговязых.

На утренней зорьке будили Красавиц холодные росы. И будто от счастья, у лилий Сверкали жемчужные слёзы!..

Поникла тяжёлым бутонем – Под лезвием тихо и быстро. Скрипучим ответило стоном Ей дерево с кроной ветвистой.

Я видел, как лилия вянет, Любуясь багряным закатом, До капли последней дурманя Тончайшим своим ароматом...

НЕБО В КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОЧЕК

То рыжим, то красным листом окрылён, То жёлтым, то буро-зелёным. Летит-облетает по осени клён. Стою под лысеющим клёном.

И ветер быстрее раздеть норовит Нарядные ветви до почек. А мне открывается трепетный вид На небо в кленовый листочек.

ВИД ИЗ ОКНА

Вровень с окнами – полоска Примыкавшей крыши. На краю росла берёзка – Как сейчас я вижу.

Непонятно, неизвестно – Ветром занесло ли? Проросла на крыше тесной – Будто бы на поле.

Сиротливо, безысходно Кроной шелестела. До неё кому угодно Не было и дела!

Но на крышу влез рабочий (Тот, что крышу кроет): Расстилал до самой ночи Новый рубероид.

Потянулся и размяк: «Надоело в доску!»

И небрежно, как сорняк, Выдернул берёзку!..

СЧАСТЬЕ

Лёгкой плёнкой лёг на лужи Первый робкий, хрупкий лёд. Скван лес дыханьем стужи. Тихо, мягко снег идёт.

В небе, бледном и сонливом, Потонул туман седой. Счастье – в вальсе суетливом Падать снежною звездой...

НОВЫЙ ГОД

Белые, пушистые сугробы. Снег на ветках празднично-искрист. Смотрит из окна зеленолобый, С красными цветами, декабрист.

Улицы обнял сосновый запах. По кустам шныряют снегири, И повисли на еловых лапах Шарик, гирлянды, фонари.

Пёстрые, нарядные витрины, Серебрится глянец гололёд. Ярче солнца стали мандарины, И желанней лета – Новый год.

ПИСЬМО ЕСЕНИНУ

В сердцах России, в песенных стихах Живёте Вы, душой красив и молод. А жизнь земную рано, влопыхах И грубо оборвал декабрьский холод.

Печальной славы, мрачный «Англетер»: Отсутствие чернил и номер пятый. Решительно – с разбега да в карьер – Судьба кровавой требовала платы.

А рядом – ни друзей и ни подруг – Ни Эрлиха, ни даже Бениславской. И «Чёрным человеком» замкнут круг, Увековеченный посмертной маской.

А дальше – всенародная любовь, Преодолевшая волну запретов: Есенин, пой! Есенин, славословь Родную Русь – как лучший из поэтов!

В сердцах России, на просторах книг Живёте Вы, лаская и страдая. И льётся, как серебряный родник, Есенинская песня золотая.

ПРАДЕДУ

Брызги васильковые На реке ржаной Расцветают снова и Плещутся волной.

Ягода клубничная Вызрела кругом – На траву привычно я Выйду босиком.

Прислонюсь к ограде да Вспомню, загрузив, Что сгубили прадеда И война, и тиф,

Что мечтал суровую Выдюжить войну, Слушать васильковую В поле тишину...

Что, к победе шествуя, Умер по пути, Чтоб могла в наследство я Мир приобрести,

Чтоб жила без горя я В крае васильков, Не прервав истории Будущих веков.

ЛЮДМИЛА НАЦЕВИЧ

Темрюк

ДУХ СВОБОДЫ

Крыльев мне не расправить, – Словно птица в силках: Исключеньем из правил, – Я взлетаю в стихах!

Для души нет решеток И для слов нет брони, А для мысли высокой Ни преград, ни границ:

Нацарапала строки На обоях стены, Так, что будут сквозь блоки И сквозь годы видны...

И ожившая фраза, Силу вновь обрела, Пути сбросила! – Сразу, Встать смогла на крыла!

В ореоле восхода, Высших праведных сил, – Дух ликует свободы На просторах Руси!

ВОПРОС РЕБРОМ

«Какое дело благороднее Борьбы с захватчиком врагом! А что вы сделали сегодня, Чтоб завершить его разгром?»

Призыв на воинском письме 1943 года.

Великая Победа, – Бессмертия Поток! А, ты, Отчизне предан? Ты, к подвигу готов?

Кому Полк больше нужен, – Погибшим на войне, Или, как воздух, душам Их помнящих, и мне!

СКАЗЫ МАМУШКИ

К 260-летию от рождения Арины Родионовны Яковлевой.

«Был спасён? – знать родился в рубашке... Музыкант рос под трели варакушки... Жил художник, рождённый под радугой... И талантлив, целованный в маковку...»

Свод молитв, колыбельные бабушек, Взлёт Поэтов, взлелеянных Жёнами, Красота и мечта, воплощенная в гений Пушкина, – это Русь-Матушка И сакральная преданность Мамушки!

ОКТИСЬ

(На Украине поставили памятник с чёрным Ангелом и мечём пронизывающим карту России).

Чёрный глаз навыкате Не Орёл, а Гриф Высмотрел и выхватил Чёрной маски миф.

Он питался падалью. Добывал – не сам: Отбивал у слабого, Выпучив глаза.

Он всегда завидовал, Что Орёл, как встарь, Гербовыми видами – Поднебесья Царь.

Как же так случилось? – Подлая душа Низко опустилася, Крыльями шурша.

Чёрные и белые Ангелы, – Окстись! Силы поднебесные, Увлекайте ввысь.

Газета Краснодарского регионального отделения Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Адрес для отправки корреспонденции
350000 Краснодар, ул. Коммунаров, 58
тел.: 8(988) 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

<http://sites.google.com/site/sprosia>

и <https://sites.google.com/view/krospr-gazeta>

и Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ № _____

Подписано в печать

19.07.2018 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная